

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАВА***

А. В. Пугачёв (Новосибирск)

В статье рассматриваются во взаимосвязи онтологические и аксиологические аспекты взаимодействия социальных институтов образования и права. На основе характеристик указанных аспектов автором делается вывод о наличии существенного противоречия между социальным заказом и содержанием российского права, что связано с вопросами аксиологии и онтологии.

Ключевые слова: аксиология, онтология, взаимодействие, социальный институт.

**THE AXIOLOGICAL AND ONTOLOGICAL ASPECTS OF INTERACTION
BETWEEN THE INSTITUTIONS OF EDUCATION AND LAW**

A. V. Pugachev (Novosibirsk)

In the article there are considered in their interconnection the axiological and the ontological aspects of interaction between the social institutions of education and law. On the basis of characteristics of the indicated aspects, the author concludes that there exists an important contradiction between the social request and the content of the Russian law, related to the issues of axiology and ontology.

Key words: axiology, ontology, interaction, social institute.

Взаимодействие социальных институтов образования и права представляет собой сложное многоаспектное явление, в котором аксиологические аспекты играют немаловажную роль. Исследованию образования как ценности и ценностям в образовании посвящено большое количество работ в социальной философии. Однако необходимо отметить, что в ходе данных исследований акценты ставятся на определенных аспектах взаимодействия институтов права и образования, при этом подчас игнорируется содержание этих аспектов во взаимосвязи с иными аспектами. Для полной и глубокой рефлексии взаимодействия права и образования представляется значимым рассмотрение вопроса выделения аксиологических аспектов во взаимосвязи с онтологическими.

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., проект № 2.3.1.

© Пугачёв А. В., 2012

Пугачёв Александр Викторович – соискатель Научно-исследовательского института философии образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: pugachev-1967@mail.ru

Воздействие социального института права на образование, в числе прочего, заключается в закреплении, как правило, в декларативных нормах, ценностей, относящихся к числу кардинальных и субкардинальных. Именно на основе данных декларативных норм, по логике законодателя, должны формулироваться иные производные нормы, содержащие конкретные предписания всем субъектам образовательных отношений.

Существующее образовательное законодательство содержит достаточное количество декларативных норм, провозглашающих гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, общедоступность образования, адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся, воспитанников и т. д. Наиболее характерным для этого является содержание преамбулы Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»: «Государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности» [1].

Безусловно, это правильная норма, но, как уже отмечалось, она должна быть оценена не только по собственному содержанию, но и по содержанию конкретизирующих ее норм.

Наиболее полная и яркая характеристика совокупности вышеуказанных декларативных и конкретизирующих их норм дана О. Н. Смолиным, который сказал: «доклады Организации экономического сотрудничества и развития признают, что уровень неравенства прав образования в России превысил допустимые пределы. Я напомню, что до сих пор мы точно не знаем, сколько детей оказались вне школы – согласно некоторым оценкам до 2,5 миллиона человек. Я напомню, что цена высококачественного образования непрерывно растет, и оно становится менее доступным гражданам. Я напомню про сокращение бюджетных мест. Я напомню, что в результате налоговой политики плата за обучение тех, кто учится на небюджетных местах, неминуемо должна расти. Я напомню, что политика стипендии заключается в следующем. 20 лет тому назад стипендия в вузе составляла 4/5 от прожиточного минимума, в техникуме – 56 %, в ПТУ – 80 %. Сейчас в вузе составляет порядка 22 %, а в техникуме и ПТУ – порядка 7 %. То есть чем ниже уровень доходов родителей, тем больше падение стипендий. Я напомню, что практически все остальные виды разделения, о которых мы говорили, они тоже так или иначе связаны с уровнем доходов, потому что более обеспеченные люди на селе все-таки могут дать своим детям образование, менее обеспеченные такой возможности лишены напрочь» [2].

О.Н. Смолин также отмечает, что социологические исследования последних лет показывают, что в России образование в значительной мере не только перестало быть «социальным лифтом», но, напротив, в отдельных своих секторах становится инструментом консервации социального неравенства и культурного разделения. Вместе с тем, во многих странах мира отмечается стремление к расширению доступа к образованию.

Основываясь на результатах проведенных общественным движением «Образование – для всех» исследований, О. Н. Смолин выделил несколько факторов, обуславливающих острейший кризис российского образования.

Во-первых, разделение по формам поселения. Согласно официальным данным, почти 3 тыс. сельских школ было закрыто в последние годы, что признает Министерство образования Российской Федерации. Курс на свертывание сельской школы продолжается. В среднем количество сельских школ сокращается на 1000 ежегодно. В 2008/09 учебном году было закрыто рекордное количество сельских школ – 1200 [3]. А это, по мнению О. Н. Смолина, не только нарушение прав человека, это угроза и национальной безопасности страны.

При этом на протяжении уже более чем 10 лет руководство Министерства образования и науки делает вид, что активно заботится о сельской школе.

Так, в свое время активно осуществлялась программа «компьютеризации сельской школы». По данным Минобрнауки, на село было направлено более 30 тыс. компьютеров. К сожалению, данных о сохранности и эффективном использовании этих средств вычислительной техники в настоящее время не имеется. На фоне острой нехватки дидактических материалов – учебников, учебных и наглядных пособий, массово используемых при проведении занятий, установка одного или нескольких компьютеров острее обнажает проблему материального обеспечения учебного процесса и, как следствие, – доступа учащихся к учебной информации.

То же самое произошло и с поголовным подключением всех школ России к Интернету. В 2008 г. Министерство образования и науки России отчиталось о том, что каждая школа подключена к мировой сети. Вместе с тем, по мнению большого числа педагогических работников общеобразовательных школ, Интернет оказался совершенно «бесполезной на современном этапе игрушкой для нищеты российской школы», уже в 2008 г. платить этим школам за трафик в Интернете оказалось нечем. Поэтому «игрушку» пришлось срочно закрывать [4].

Во-вторых, двухуровневая система высшего образования. Один уровень – фактически для домохозяек и офис-менеджеров, а другой – для более или менее квалифицированных специалистов. Отмечается тенденция ограничения доступа на второй уровень по сравнению с существующим состоянием образования: он ограничен конкурсом, ограничен платностью, ограничен другими различными способами.

В-третьих, сокращение количества бюджетных студентов. В течение ряда лет сохраняется тенденция сокращения бюджетного набора. В общей сложности, за период 2005–2008 гг. количество бюджетных мест сократилось на 25 % [1].

Указывая на недопустимость подобного положения российского образования, профессор экономического факультета МГУ А. В. Бузгалин отметил, что «общедоступное образование в условиях, когда знание представляют из себя важнейший фактор экономического развития, а также формирования гражданского сознания, – острая необходимость» [5].

В характеристике социального положения в российском образовании невозможно обойтись без оценки уровня и качества жизни российского

общества в целом. Безусловно, подобная оценка крайне неоднородна, поскольку указанный уровень значительно отличается по регионам, по отношению «мегаполис – периферия». Так, установленные для жителей Москвы социальные выплаты и предложения в сфере трудоустройства определяют более высокий уровень жизни по сравнению с жителями, например, Новосибирска, Екатеринбурга, также проживающими в мегаполисах. Еще более полярными выглядят уровень и качество жизни в сравнении с показателями мегаполисов, крупных городов и показателей уровня и качества жизни в малых городах и селах.

Отмечая тенденцию ухудшения качества жизни, особенно в провинции, Н. В. Наливайко, В. И. Панарин и В. И. Паршиков выделяют четыре уровня бедности, в условиях которой проживают более трети россиян [6, с. 58–59].

Первый уровень бедности характеризуется лишением человека физиологического минимума – питания (без признака полноты и рациональности), жилища (также без признака коммунальных удобств) и одежды, соответствующей минимуму социальной адаптации человека. По данным О. Д. Олейниковой, в таких условиях проживают около 10 % граждан России [7, с. 3]. Представляется, что для граждан России, проживающих в подобных условиях, обычный комплекс мер правового регулирования, направленных на формирование у этих граждан мировоззрения, соответствующего социальным ожиданиям, очевидно, неприменим. Крайняя нужда, как свидетельствует исторический опыт, подавляет такие свойства личности, как осознание своей роли в обществе, идентификации себя как неотъемлемой и значимой части этого общества, стремление выполнить социально полезную роль и т. д. Потребности человека в данном случае направлены на удовлетворение простейших, физиологических потребностей. Для него не будут иметь какого-либо значения правовые нормы, декларирующие право получения им образования, поскольку другие правовые нормы, продекларировавшие его право на жилище, труд, достойную жизнь, в отсутствие надлежащих мер (прежде всего, правового характера, направленных на обеспечение реализации его права), остались на уровне декларации. Безусловно, подобное отношение государства к человеку играет антивоспитательную роль, и поэтому отношение человека к правовым предписаниям, в том числе и в сфере образования, чаще всего будет негативным. Исходя из этого, правовое регулирование образования для данной категории граждан должно предполагать в первую очередь адаптивные меры, позволяющие им хотя бы в общих чертах идентифицировать себя в обществе, и в последующем – дополнительные меры регулирования образовательных отношений.

Второй уровень бедности, по мнению вышеуказанных авторов, характеризуется как «оскорбительная нищета». На этом уровне живут граждане России, выполняющие или выполнявшие социально полезные функции. Чаще всего, это люди, удовлетворяющие свои потребности из различных социальных выплат. Большинство подобных выплат по своему размеру ниже установленного «корзиночным» способом прожиточного минимума – стоимости необходимых для поддержания жизнедеятельности продуктов. В такой ситуации, несмотря на декларируемое Конституцией Рос-

сийской Федерации право на реализацию своих способностей посредством получения образования (специальности, квалификации), человек фактически подталкивается к выбору: тяжелый физический, неквалифицированный и, как правило, низкооплачиваемый труд или нищенское существование на социальные выплаты без надежды удовлетворения каких-либо потребностей, кроме потребности в питании, да и то в ограниченном количестве.

Третий уровень бедности предполагает соответствие (или незначительное превышение) доходов граждан упомянутому прожиточному минимуму. Несмотря на то, доходы данной категории граждан выше представителей ранее упомянутой категории, граждане, живущие на этом уровне бедности, представляют собой не менее значимую проблему (как участники правоотношений в сфере образования). Эта проблема обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в соответствии с существующим законодательством в области социального обеспечения, данная категория граждан не имеет, как правило, прав на получение социальных выплат, то есть самостоятельно должна нести расходы даже на так называемое бесплатное образование. Во-вторых, отсутствие социальной градации обучаемых в современной системе российского образования определяет размер указанных расходов наравне с иными категориями граждан с более высоким уровнем жизни.

В связи с этим можно констатировать, что если для первых двух уровней бедности надежда на образование как на «социальный лифт», на возможность реализовать свои способности в определенной сфере является очевидно иллюзорной, то для данного уровня бедности вопрос о реализации права на образование находится в такой точке неустойчивости, что любое событие – повышение цен на отдельные продукты питания, необходимость получения какого-либо лечения – может перевести надежду на образование в разряд иллюзорных.

Четвертый уровень бедности характеризуется отсутствием достатка, то есть отсутствием денежных средств на непланируемые расходы. Данная категория граждан является наиболее многочисленной, однако в комплексе мер правового регулирования в сфере образования особенности указанной категории никак не учитываются. Учитель средней школы, «вспомнивший» о необходимости иметь ученикам учебное пособие или рабочую тетрадь в начале учебного года, иной раз и не подозревает, какой удар он наносит по бюджету отдельных семей, поскольку рост цен на учебную продукцию в начале учебного года (по сравнению с летним периодом) составляет до 100 %. При этом необходимо отметить, что в системе мер правового регулирования образования подобная ситуация никак не регламентирована. Не регламентирована и ситуация, когда преподаватель вуза предлагает студентам самостоятельно изучить в обязательном порядке содержание отдельных учебных источников, не представленных в вузовской библиотеке и предлагаемых в розничной продаже по значительной цене.

Таким образом, можно констатировать, что существующее российское законодательство не обеспечивает реализацию предусмотренного Конституцией Российской Федерации права каждого гражданина на получение

образования. В этом заключается одно из основных противоречий взаимодействия социальных институтов образования и права – противоречие между социальным заказом как образования, так и общества в целом, на закрепление в правовых нормах механизма обеспечения равного доступа каждого гражданина России к образованию, а также возможности его получения, и содержанием права, регулирующего отношения в сфере образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Федеральный** закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»: СПС «Гарант». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/406111>.
2. **Смолин О. Н.** Образовательная политика в России и социальный геноцид // Материалы общественных слушаний на тему «Куда ведет российская образовательная политика: к обществу равных возможностей или социальному апартеиду?» – 2008. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ikd.ru> (дата обращения: 16.05.2011).
3. **Комков С.** Российское образование – зона стихийного бедствия. – 2011. – [Электронный ресурс]. – [сайт ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»]. – URL: <http://www.vcsug.ru> (дата обращения 12.03.2012).
4. «**Право** на образование и законотворческие инициативы»: материалы дискуссии – 2010. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ikd.ru> (дата обращения 16.05.2011).
5. **Бузгалин А. В.** Выступление на форуме МГУ, посвященном реформам в российском образовании. – 2011. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ikd.ru> (дата обращения 12.03.2012).
6. **Наливайко Н. В., Панарин В. И., Паршиков В. И.** Глобальные и региональные тенденции развития отечественного образования (социально-философский анализ) : моногр. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 398 с.
7. **Олейникова О. Д.** Проблема эффективности социальной политики современного российского государства и сфера образования // Философия образования. – 2002. – № 3. – С. 2–6.

Принята редакцией: 30.01.2013

УДК 13 + 37.0

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. К. Абдина (Астана, Республика Казахстан)

В современном мире, насыщенном инновационными технологиями, все более значимой становится конкурентоспособность образования. Исходя из тезиса, что будущее принадлежит странам, наиболее продуктивно использующим знания и технологии, автор анализирует методологические и мировоззренческие аспекты образовательных программ. Чем качественнее подготовка специалистов, способных адаптироваться к изменяющимся условиям и технологиям, тем эффективнее экономичес-

© Абдина А. К., 2013

Абдина Айнур Канапияновна – доктор философских наук, доцент кафедры философии, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина.

E-mail: abdinaa@mail.ru